

Наталья
КОРНИЛОВА

ПАНТЕРА

Чужая душа

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Наталья Геннадьевна Корнилова
Чужая душа
Серия «Пантера», книга 10

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3953935
Пантера: чужая душа: Роман: Эксмо; Москва; 2002
ISBN 5-699-01322-9

Аннотация

Никогда еще Мария, сотрудница частного сыскного агентства, в своих расследованиях преступлений не заходила так далеко. Чувяла опасность нутром проснувшейся в ней Пантеры, понимала, что играет с огнем, даже получала грозные предупреждения, но остановиться не могла. Убийство пожилой богачки, которая намеревалась передать свое состояние Алексею Ельцову, оставалось загадкой. Ельцов последним уходил из дома, где наутро был найден труп... У него нет алиби, но есть мотив для убийства – ведь, если Алексей женится на Ксении, завещание будет изменено не в его пользу... Так кто же убийца – Алексей, мужчина с манерами изнеженного ребенка, или его невеста Ксения с тяжелым взглядом роковой женщины? А может, кто-то третий, стоящий за их спинами?..

Содержание

Пролог о множестве третьих лишних	4
I	4
II	5
III	6
IV	7
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Наталья Корнилова

Чужая душа

Пролог о множестве третьих лишних

I

– Ксюша, что ты так на меня смотришь? Ровным счетом ничего не случилось. Я тебе правду говорю. Ну что ты меня буравишь, как рентгеном? Все нормально... просто немного прогулялся. Ветер на улице... волосы растрепались. Все нормально, Ксюша, я тебя уверяю.

– Правда? А мне кажется иначе, Алеша. Ты, знаешь ли, бледен, как вот эта стена. Ее недавно оклеили белыми обоями, видишь?

– Да не слепой. Ладно... давай ужинать.

– И ты ничего не хочешь мне рассказать? Ничего?

Секунды молчания капали, как воск с горящей свечки. Наконец он сказал:

– Я встревожен. Я сегодня видел...

– Не будем! – вдруг перебила она. – Не стоит! Я погорячилась. Я поняла, о ком ты... Не будем портить аппетит, эта тварь того не стоит.

Он поужинал в молчании. Она неотступно наблюдала за ним, и, когда он отложил вилку и та, плавно соскользнув с края стола, ткнулась в линолеум, Ксения проговорила:

– И все-таки ты не должен держать это в себе. Расскажи, что она тебе наговорила.

– Не в словах Милы дело! – выдохнул он и вдруг поднял на нее отчаянно бледное лицо с тревожными антрацитовыми чернотами глазами...

II

– Уже утро. Ты не боишься, Алеша?

– Еще не разобрался.

– Ты не забыл, что нам надо ехать за кольцами? В ювелирном отложили. Твоя мать...

– Да чтоб ее! – буркнул он. – Твою мать, мою мать! Нет ничего несноснее и обременительнее ее заботы! Ты еще увидишь, как ловко она будет торговаться в магазине!.. Три года «челночничества» никуда не денешь, даже если теперь мадам катается на джипаре!

– Ты, Алеша, лучше поешь, – тихо сказала она. – День у нас сегодня ответственный. Все-таки два дня до свадьбы осталось.

III

– Алешенька, дай-ка я теперь примерю тебе, сынок! Ну аккуратно по пальцу! У тебя пальцы тонкие, как у пианиста! А вот Кольке, мужу моему, твоему отцу то есть... ну никак не могли подобрать кольца впору! Колька, он же когда принял бригаду на лесопилке, так у него ручищи стали, что твои... эти... клешни у краба! Во Владивостоке...

– Тише, не говори под руку! – перебил он. – Сам знаю.

– Что знаешь? Ничего ты у меня не знаешь! Ты еще совсем ребенок у меня!

– Не говори глупостей, мама... какой ребенок? Мне уже двадцать три года.

– Вот именно, вот именно! А ты говоришь, что не ребенок. Да! Двадцать три года! Да я в твои годы еще в куклы играла, вот что! Алеша, – она осторожно оглянулась, кося взглядом, – а может, не надо оно, чтоб?.. Ведь эта твоя, Ксения которая, она же... ну, на четыре года тебя старше! К тому же еврейка!

– Да откуда ты взяла? Никакая она не еврейка.

– А, не скажи! Ты вот не знаешь, а я знаю. Ты и понять не успеешь, кто она такая, как опутают! Я этих жидов знаю! Без мыла в жо...

– Ну хватит тебе! Глупости какие, чушь собачья!! Евреи! Да по мне хоть коми-пермячка или корячка, все едино!

Перед его глазами тотчас же возник сосисочный палец родительницы, озабоченно покачивающийся в режиме маятника:

– Нет, ты, сынок, так не говори все равно! Без разницы – это когда помирать пора, а сейчас ты еще молодой, зеленый совсем! Еще жареный петух тебя в задницу не клевал, а Ксюшка твоя – она тертая, она знает, что почем.

– Я тоже знаю, мама. Отнеси в кассу одиннадцать тысяч пятьсот за кольцо, кстати.

– Не доведет она тебя до добра, не доведет. Видала я ее знакомых. Пробу ставить негде, да татуировка ишшо на плече, как у... Может, перенесем, сынок?

– Да поздно уже! Приглашительные раздали, гостей пригласили, банкетный зал арендовали – все!! С концами!.. И ты, мама, не мельтеши, не суетись. Я уже не маленький, чтоб меня за ручку хватать и тащить. Взяла моду. «Маленький»! Какой я тебе маленький?

IV

– Добрый день. Гражданин Ельцов, Алексей Николаевич?

Он вздрогнул, пятнами стала проступать бледность, и ниточки бровей поползли медленно вверх:

– Да... я. Но в чем, это... простите...

– Гражданин Ельцов, проедемте с нами. Вам объяснят. Только на место приедем, и все объяснят.

– Товарищ милиционер, да как же так, да за что же моего сына?.. Он же... мухи же... даже...

– Да муха в деле и не фигурирует, тут вы абсолютно правы, гражданка. Пройдемте, Ельцов.

– Да что вы тащите его за руку! Не надо тащить, он ни в чем не виноват! У него свадьба завтра, а вы тащите! Да что же это такое в самом деле? Сынок, кто они? Это твои друзья над тобой подшутили, может? У дружка твоего, у Жорки Куценко, всегда идиотские шуточки были... помнишь, он ворону поджег и тебе в форточку пустил, когда ты к контрольной... Да что же это? Ксюшка, а ты что молчишь, дура!!

– Это недоразумение, – холодно сказала Ксения. – Это недоразумение. В чем причина задержания, товарищ старший лейтенант?

– Серьезная причина, серьезная. А остальное мы не уполномочены... не хватайте меня, гражданка! Разошлась! Костылин, поддержи ее... ну чистый танк, так и прет! Садись, Ельцов! Давай!! Поехали!

– Да что же это такое? Забрали! Увезли! Это из-за тебя, стерва? Говори, говори! Почему его увезли! Твои дружки-бандюганы? Думаешь, я не знаю, с кем ты дружбу водишь, проститня подзаборная? У-у, швабра бесстыжая! Сиськи-то выпятила, думает, все без разбора к ней валиться будут! Вот и погубила!

– Вы не правы, Валентина Андреевна. Я не...

– Да что ты мне тут втираешь, жидовка пархатая? Тварь! Так просто его бы не!..

– Пошла на..., корова.

Валентина Андреевна выпучила глаза, став похожей на глубоководного краба. Развернувшись, Ксения сбежала по ступенькам ювелирного магазина и, горделиво выпрямившись, бросила свое элегантное тело в седой, клочками, холодный, влажный туман, ползущий по глухо гомонящей московской улице...

Глава 1

Проблема, вставшая передо мной, была поистине чудовищна. Только что шарпей Счастливчик, заведенный моим боссом, его супругой Валентиной и их отпрыском Потапом, сожрал несколько листов из важной документации, приложенной к только что раскрытому делу. Документы должны были отправиться в архив Родиона Потаповича Шульгина, моего непосредственного шефа, но в том виде, в каком оставили их челюсти ненасытной твари, это было решительно невозможно. И теперь мне предстояла серьезная и, что самое печальное, тягомотная миссия – восстановить все документы.

Разумеется, о мамаевом набеге Счастливчика босс еще ничего не знал. Он сидел в своем кабинете и шарил в Интернете. Я всегда удивлялась той чепухе, которую он оттуда выуживал. Удивительное дело: очень умные люди зачастую имеют глупейшие хобби. Они могут коллекционировать обертки от туалетной бумаги или с пеной у рта спорить об итогах тараканьих бегов. Интеллектуальнейшие люди остаются детьми до гробовой доски. Достаточно вспомнить Альберта Эйнштейна и его знаменитое фото с высунутым языком. Выражение лица на данном снимке не поддается описанию; наверно, даже калимантанский гориллоид в брачный период смотрелся бы гигантом мысли на фоне творца теории относительности. А ведь это один из выдающихся умов двадцатого века.

Мой босс, конечно, не Эйнштейн, но тем не менее человек, бесспорно, обладающий аналитическим умом. Но это не мешает ему зачастую вести себя как дитя малое. В данный же момент босс всецело окунулся в две проблемы глобального масштаба, полностью закрывшие от него весь остальной мир. Первая проблема была сопряжена, естественно, с его сыном Потапом, которого по-простецки именовали Тапик. Так вот, Тапик, конечно, милый ребенок, но Родион окружил его таким ореолом заботы, что нормального человека начинает тошнить. Купил ему какую-то коляску с катапультой и сонм навороченных игрушек, в инструкциях к которым даже Валентина разобраться не может, не говоря уж о малыше!

Проблема номер два, вошедшая в покрытую кудрявыми локонами мудрую голову моего босса, была еще более несносна и непостижима. Мужчины вообще странные люди. Ругая женщин за просмотр мыльных сериалов, затяжные рейды по магазинам, болтовню по телефону и общую несознательность, они тем не менее с отрешенно озабоченным видом смотрят футбольные матчи, что лично у меня ничего, кроме недоумения, не вызывает. Двадцать два здоровенных мужика, на которых впору пахать на тракторах, носятся по полю и пинают несчастный затравленный мяч, которому некуда деться, кроме как в ворота.

Начался какой-то там чемпионат мира среди этих мячененавистников, и босс прилепился к экрану. Он смотрел он-лайнские трансляции матчей и при этом обсуждал перипетии игр по двум телефонам сразу. После, по их понятиям, глобальной схватки Англия – Аргентина он попытался обсудить ее даже со мной, через слово поминая некоего Бэкхема. Но номер не прошел. Босс, не оценив моего равнодушия, спрятался в своем кабинете, а через час вышел довольный и явно под коньячными парами.

– Есть такая старинная английская мудрость, – изрек он, назидательно воздев горе указательный палец, с видом умудренным и загадочным. – Так вот, англичане говорят, что в жизни настоящего мужчины есть три радости.

– Записывать? – спросила я оглушающе серьезно.

Босс передернул шуплыми плечами:

– Конспектировать! Так вот, первая радость, и самая главная, – это футбол.

Я саркастично улыбнулась.

– Вторая, – продолжал он, – это такая английская игра, называется крикет... в этой игре даже предусмотрено время для ланча и ужина. Так вот, крикет они называют второй радостью в жизни настоящего мужчины.

Я подозрительно посмотрела на него, неизбежно ожидая подвоха. У босса довольно своеобразное чувство юмора, и основное его своеобразие состоит в том, что оно крайне редко проявляется.

– А третья радость в жизни настоящего мужчины – это пиво, – закончил он.

– Позвольте, босс, – произнесла я, – вы сказали: футбол, крикет и пиво? Ладно, оставим думы о вашем любимом коньяке. Но если речь идет о настоящем мужчине, то как там насчет женщин?

– А как там насчет женщин?

– Ну да.

Он улыбнулся:

– Видишь ли, Мария, англичане в ответ на вопрос: «А как же женщины?» – с милой англосаксонской невозмутимостью отвечают: «Женщины? Да, припоминаю. Это после пива».

В ответ я могла только презрительно улыбнуться, а потом как бы между делом пересказать старинную английскую мудрость Валентине. Она ее живо оценила, что я поняла из остолбенелого выражения лица босса, с коим он бессменно проходил два дня.

...Я запустила уцелевшие от зубов Счастливого документа в сканер, и тут взревел звонок у входной двери офиса. Предыдущий, с пятнадцатью мелодиями, сломался, и босс прикупил где-то нынешний, установленный всего два дня назад. Стоило чуть тронуть кнопку этого аппарата, и он рождал звук, который, верно, не смог бы выдержать даже Бетховен, хотя он и был глухим. Ума не приложу, где босс мог выкопать подобного монстра среди россыпей новых благозвучнейших систем.

Я включила видеофон. Да, верно. К нам, в офис детективного бюро «Частный сыск», кажется, пожаловал посетитель.

Точнее, посетительница.

Впрочем, разобраться в этом сразу мне не удалось. Лицо, пожаловавшее к нам в офис, по габаритам напоминало трехкратного олимпийского чемпиона Александра Карелина, но уж никак не слабую женщину. Габариты посетительницы явно превышали нормы лица женского пола. По крайней мере если это лицо не входит в женскую лигу рестлинга, забавы которой комментирует Николай Фоменко.

На ее легкую серую ветровку пошло ткани не меньше, чем на чехол для легкого танка.

– Добрый день, – сказала я. – Вы по какому вопросу?

Дама, встав в профиль, косо уставилась в глазок видеокамеры с тем выражением, с каким дикарь мумбо-юмбо смотрит на заработавший радиоприемник. Мне пришлось вторично поинтересоваться, кого это принесло в нашу скромную контору, и лишь тогда колосс в ветровке окончательно развернулся, показав в дверном глазке свое круглое лицо, и проговорил неожиданно тонким голосом:

– Шульгина Родиона Потаповича я могу видеть? Частного детектива... Э-э-э... детективное бюро «Частный сыск», правильно у вас тут на табличке написано?

– Правильно, – сказала я.

– Так я могу войти? – трогательно улыбнувшись, поинтересовалась посетительница.

– Можете, – сказала я, прикидывая, влезет ли клиентка в дверной проем так, чтобы не сломать дверные косяки, – прошу вас, входите. – И я тронула на панели кнопку, деблокирующую замок двери.

Госпожа Ельцова проникла в двери нашего офиса с первой попытки. То, что она сделала это бочком, не считается. Увидев меня (я вежливо поднялась ей навстречу), она пискливо затарыхтела что-то о крайней неотложности своего дела и о том, что время не терпит.

– Дело идет о жизни и смерти, – проговорила она, и ее толстые щеки подпрыгнули. Меж этих массивных щек длинный коршуноподобный нос казался ненужным вислым придатком.

– Вы еще не знаете, что...

– Простите, – прервала ее я, – все дело в том, что вам следует пройти в кабинет моего босса.

Госпожа Ельцова неуклюже потопталась на месте.

– Правда? – произнесла она с нотками отчаяния. – Ах, ну да... вы же не можете быть Шульгиным... это же мужчина, как я сразу не... не того.

Я связалась с боссом и, когда он, с неохотой оторвавшись от монитора, дал по селектору отмашку звать посетительницу, подошла к двери его кабинета и отворила ее, пропуская госпожу Ельцову. Она ввалилась в дверной проем с грацией тяжеловеса, отдавив мне ногу. Проникнув в кабинет, слониха неуклюже извинилась и стала осматриваться по сторонам, не замечая невзрачной фигуры босса, едва видневшейся из-за массивного стола.

– А ваш шеф... он скоро придет, да? – спросила она.

Родион смотрел, кажется, иронично. Мне же было совсем не до смеха: своим пудовым касанием посетительница разболтала мне супинатор на левой туфле, быть может, он даже лопнул. Так что, по всей видимости, новую бутиковую пару обуви предстояло отнести на свалку.

Сказать, что я была раздосадована, – это просто ничего не сказать.

После того как визитерша уселась на диван, предназначенный специально для посетителей, босс все-таки обнаружил свое присутствие в кабинете.

– Чем я могу быть вам полезен? – вежливо осведомился Родион Потапович, подозрительно косясь на издыхающий под телесами клиентки диван. В свое время этот диван выдерживал нагрузки просто-таки гигантские, к примеру, на нем сидел банкир Краснореченский по прозвищу Толян Два Центнера со всей охраной в придачу.

Но наша посетительница, верно, входила в еще более грозную весовую категорию.

– Уф... Родион Потапович?

– Совершенно верно, – учтиво подтвердил босс и даже голову склонил в знак согласия. – С кем имею честь?

– Меня зовут Валентина Андреевна. Валентина Андреевна Ельцова. Уф!..

– Очень приятно, Валентина Андреевна. С чем же вы к нам пожаловали?

– Я попала в чудовищную ситуацию, Родион Потапович, – объявила Валентина Андреевна и промокнула уголок левого глаза платочком. – Невероятную просто.

– Это я усвоил, продолжайте, – кивнул босс. – В чем суть вашей проблемы, гражданка Ельцова? Я вас очень внимательно слушаю.

Ельцова подозрительно оглянулась на меня. Ее щеки снова подпрыгнули.

– А... – начала она.

Родион поспешил ее успокоить:

– Не волнуйтесь. Это Мария, моя ассистентка и компаньон. Если у нас все сложится, то ваше дело будет вести она, а за мной – лишь информационное и аналитическое обеспечение. Так что говорите смело.

– Но... как же...

– Валентина Андреевна, я понимаю, что вы хотите открыть вашу проблему минимальному числу людей, но Мария как раз и попадает в этот необходимый минимум.

– Да, да, – кивнула она. – Хорошо.

Я уселась на диване в некотором отдалении от нее. Откровенно говоря, мне хотелось, чтобы у нас не «сложилось», пользуясь обтекаемыми формулировочками босса. Эта перекормленная Валентина Андреевна не понравилась мне с первого раза. Не люблю чрезмерно мясных людей. Они или очень добрые, или очень злые, но в любом случае от них очень много шума и треснувшей мебели.

– Родион Потапович, вы, наверное, слышали об убийстве Таннер... вдовы банкира Таннера из Немецкого банка? – проговорила Валентина Андреевна.

Родион нахмурился. За последнее время он слышал мало чего, что выходило за границы очерченных мною двух основных тем: Тапика и чемпионата мира по футболу-2002.

Я пришла к нему на помощь:

– Вы должны были слышать, босс. По телевизору и в газетах... да и весь Интернет, верно, наводнен. Это, кажется, было совсем недавно? Позавчера, не так ли?

Ельцова закивала:

– Да, да. И в этом убийстве обвинили моего сына. Теперь он находится в следственном изоляторе. Но он никого не мог убить. Он неспособен на убийство, он с детства очень мягкий и душевный человек... он...

– Валентина Андреевна, – мягко прервал босс сетования госпожи Ельцовой, стремительно и верно переходящие в обычные старушечьи причитания, – успокойтесь и излагайте все по порядку. Может, вам стакан воды? Сигарету, сигару?

– Н-нет. Спасибо. Со мной бывает... вы не обращайтесь внимания. Если только... коньяку? Стопочку, и...

– Это можно. – Босс, как фокусник, извлек буквально из ниоткуда бутылку «Хеннесси», ловко кувыркнул ее в руках, наливая. – Мария, будь любезна, передай Валентине Андреевне.

Ельцова выпила и продолжила:

– У него, если бы все сложилось иначе... сегодня должна быть свадьба. Понимаете? А ее, Татьяну Оттобальдовну, мою старую подругу, убили за два дня до свадьбы Алеши. И его... представляете, и его обвинили в ее смерти... в том, что он убил ее, Таннершу... Таню Оттобальдовну! Понимаете?

– Пока что нет, – терпеливо сказал босс. – Вы излагайте, Валентина Андреевна, не волнуйтесь. Все нормализуется. Коньяк хороший.

Коньяк-то, может быть, был и хороший, но он не внес ясности в тот вопиющий сумбур, что, по всей видимости, бушевал в голове нашей массивной гостьи. Гражданину Шульгину с его аналитическим складом ума и прекрасно подвешенным языком хорошо говорить: излагайте. А у Ельцовой получалось плохо. Давил жир, давил страх, на сердце лежала большая холодная жаба.

Сказать, что говорила она бестолково, – это ничего не сказать. Иногда у меня создавалось впечатление, что она говорит с нами на чужом языке. Сумбур вместо четко изложенной событийной последовательности. Впрочем, каков человек, так и построена его речь, я уже неоднократно в этом убеждалась.

Родион хмурился и стучал пальцем по столешнице.

Однако же по прошествии какого-то времени нам удалось усвоить то, что Валентина Андреевна пыталась до нас донести. При этом во время рассказа Ельцовой босс залез в Интернет и выудил оттуда, надо полагать, гораздо больше, чем из бессвязного рассказа колышущейся посетительницы.

Так вот, позавчера ночью, а именно в двадцать три тридцать, в своей квартире была обнаружена мертвой вдова известного когда-то в Москве банкира Таннера – Татьяна Оттобальдовна Таннер. Ее обнаружила горничная, пожилая женщина с трескучим именем Римма Маратовна Ищеева. К тому же – близкая подруга покойной.

Хозяйка дома была застрелена в упор из пистолета с глушителем.

Дверь и окна дома были тщательно заперты. Помимо Риммы Маратовны и Татьяны Оттобальдовны в квартире никого не было. Таким образом, вырисовывался классический случай так называемого «убийства в закрытой комнате».

Однако были свои «но».

Римма Маратовна утверждала, что в этот вечер, в вечер смерти ее хозяйки, в гости к Татьяне Оттобальдовне приходил гость. Им и был Алексей Ельцов. Ищеева утверждала, что в последние несколько месяцев этот молодой человек был частым гостем Татьяны Оттобальдовны, особы значительно старше его. Естественно, суровая горничная, наперсница покойной Татьяны Оттобальдовны, не одобряла подобных визитов. Сама же Римма Маратовна, ярая мужененавистница, полагала всех мужчин мерзавцами и негодяями, от коих порядочной женщине не приходится ожидать ничего хорошего.

Впрочем, в полном соответствии со своей фамилией Римма Маратовна Ищеева что-то постоянно рыла и подозревала и соответственно расценивала эти отношения Таннер и Ельцова как неестественные и несколько раз говорила об этом и самой Таннер, и Валентине Андреевне Ельцовой, матери Алексея.

Оказалось, что Ищеева, Таннер и Ельцова знакомы издавна. Все трое в свое время вместе учились в институте. Старые подруги, однокурсницы... но судьба – дело коварное. Одной повезло в жизни больше, другой меньше, и потому одна имела многомиллионное состояние, а вторая работала у нее прислугой, третья же выручала из СИЗО своего сына, попавшего туда из-за первых двух.

Но было и еще одно обстоятельство. Самое главное. О нем наша визитерша говорила с полужакрытыми глазами, полными слез. Ее щеки мелко дрожали.

– Почему же – его?.. Мне она – тоже кое-что... оставила... так и меня давайте... в СИЗО, а? Ну!

Одним словом, Валентина Андреевна наконец-то донесла до нас, что после смерти Таннер было, разумеется, вскрыто ее завещание и установлено, что практически все ее состояние, исчисляющееся весьма приличной суммой, завещано не куму, не свату, не брату, а – Алексею Ельцову собственной персоной.

Разумеется, после обнаружения этого факта Ельцов был арестован и посажен в СИЗО по обвинению в преднамеренном убийстве Татьяны Оттобальдовны Таннер. Был мотив, были показания Ищеевой, по которым Ельцов имел все возможности расправиться с Таннер, и место и время, – что же еще надо? Санкция на арест была получена молниеносно.

– Он не мог... не мог, не мог убить Татьяну, – стуча зубами, выговорила Ельцова, – она же его на руках качала. Он у нее на коленях сидел, когда мы все жили в одном подъезде. Он ее тетей Таней называл, с пеленок знал... как же – убить? Правда, почти все уверены в том, что убил именно Алеша. Все улики против него: он был у Тани Таннер в вечер ее смерти, ушел от нее приблизительно в половине десятого или около того и уже в десять часов был дома.

– А когда, Валентина Андреевна, обнаружили труп Таннер? – тут же спросила я. – Ведь вы уже упоминали, так?..

– В... в одиннадцать. То есть нет, в половине двенадцатого... да. Экспертиза установила, что Таня умерла в районе одиннадцати вечера. Но Алексей был дома уже в десять! Он не сидел у нее до ночи! Да и что ему сидеть где-то по ночам? Ему к свадьбе нужно готовиться. Сегодня... сегодня должна быть. Понимаете?

– Тут сложно не понять, – проговорила я, – а есть кто-нибудь, кто мог бы подтвердить, что Алексей в десять вечера уже был дома? Есть тот, кто мог бы обеспечить ему алиби?

– Одну минуту! – перебил меня босс. – Валентина Андреевна, скажите, а вообще Алексей часто задерживался у Таннер? Бывало?

– Да... бывало... он даже ночевал два раза. Да я и сама к ней хожу! Но это же не повод для убийства, правда? – выговорила Ельцова. – А что завещание, так я об этом ничего и не знала, и Алеша ничего не знал... наверно.

– Хорошо. Вы говорите, что ему нужно было готовиться к свадьбе? Дома его, нужно полагать, ждали вы?

– Нет... он со мной не живет.

– Давно?

– Года два или два с половиной уже.

– А с кем он живет?

– С Ксенией... на которой должен был жениться. Вот она... она может подтвердить, что он пришел в десять часов.

– Это и есть невеста?

– Д-да.

– Значит, она может подтвердить и соответственно у него есть алиби? – констатировал Родион Потапович.

– В том-то все и дело, что есть... она может подтвердить! – сказала Ельцова, комкая в пальцах платок и промокая им лоб и виски.

– Может, значит, – выговорил босс. – А кто она, эта Ксения? Если ваш сын женится на женщине, вы должны хотя бы ее знать.

– Его... его... даже не знаю, как ее назвать. Ее зовут Ксения Кристаллинская.

– Красивое имя.

– Да, она... вся такая. Вот она с ним живет, – остолбенело выговорила Валентина Андреевна. – Я никогда не одобряла выбора Алеши, она ведь старше его то ли на четыре, то ли на пять лет и такая, знаете ли, Родион Потапович... прожженная, бывалая. Тертая жизнью. Такая дамочка, которая только и тянет из него наличность.

– Наличность? Алексей много получает?

– Он на нескольких работах... он вообще очень трудолюбивый... к тому же Алексей еще и подрабатывает... манекенщиком в Доме моды Алдошина, модельное агентство у которого. Ну, этот Алдошин известный, его ведь даже Пугачева знает.

Родион глянул на меня. В моде он был не силен.

– Да, – сказала я, – известный человек. Не Жан-Поль Готье и не Том Форд, конечно, но все же, все же...

Валентина Андреевна тяжело вздохнула, а потом выговорила решительно:

– Я всегда говорила, что эта Ксения... что ничего путного с ней не выйдет... не выйдет.

Родион спросил:

– Так, значит, эта Ксения Кристаллинская подтвердила, что ваш сын был дома уже в двадцать два часа? Это обеспечивает ему алиби, таким образом, он никак не может являться убийцей вашей подруги, Татьяны Оттобальдовны Таннер. Я все верно изложил?

– Да... она так сказала. Правда, мне показалось... мне показалось, что следователь ей нисколько не поверил. Когда ее допрашивали, я при этом присутствовала. Она отвечала на вопросы неуверенно, как будто колебалась. Хотя обычно она очень уверенно говорит и за словом в карман не лезет! – Во взгляде Валентины Андреевны вспыхнули и неистово метнулись недобрые искорки, которые ясно дали мне понять, что госпожа Ельцова куда худшего мнения о без пяти минут жене своего сына, чем хочет показать. – А у следователя, знаете ли, она то мялась, то косилась на меня, то глазищи свои дурные на него пялила!

– На следователя?

– Да, на следователя! У меня такое подозрение, Родион Потапович, – массивное тело Ельцовой подалось вперед, в сторону босса, – у меня такое подозрение, что она хочет, чтобы Алексея засудили. Чтобы это проклятое убийство повесили на него. Вот так. А когда его

арестовали, она вела себя со мной грубо и нагло, а потом и вовсе послала... – И Валентина Андреевна, понизив голос, уточнила, куда именно послала ее Ксения.

Родион растянул губы в суровой усмешке:

– То есть вы инкриминируете ей не только применение непарламентских выражений, но и...

– Простите?

– Ну вы же сказали, что она послала вас по известному адресу. Впрочем, это ничего не значит. Вы полагаете, что у нее может быть заинтересованность в худшем для Алексея исходе дела. Это уже серьезное заявление, но серьезность такого поворота дела пока что не подтверждена фактами, Валентина Андреевна. Вообще, откровенно говоря, подставлять своего суженого за два дня до свадьбы – явление экстраординарное. Хотя в нашей сумасшедшей жизни бывает и не такое. Вот что, Валентина Андреевна, – Родион Потапович неспешно раскурил сигару, – каковы мотивы заинтересованности Ксении в осуждении вашего сына? Я приношу извинения за такое скверное допущение, но предположим, что его осудят, тогда какие выгоды будут от этого Ксении?

Валентина Андреевна поджала губы:

– Как – что? У него есть своя квартира, от бабушки досталась. Есть накопления, сбережения. И это завещание Таннер к тому же!

– Мне кажется, – сухо сказал Родион Потапович, щурясь, – она и так получила бы доступ ко всему этому безо всякого криминала и подсудных дел. Ведь она не далее как сегодня, по вашим же словам, должна была выйти за Алексея замуж, не так ли?

– В принципе да, но...

– Хорошо, – осторожно прервал ее Шульгин, – вот что, уважаемая Валентина Андреевна. К сожалению, а может, и к счастью, наша работа строится не только на эмоциях и сантиментах. Наш разговор зашел несколько дальше, чем того требует первоначальное ознакомление с вашим делом. Я так понимаю, вы хотите составить договор с нашим агентством для расследования этого дела?

– Да, конечно... да, – закивала Ельцова. – Да за сына я готова отдать... все... все готова...

– Все – это излишне, – сказал Родион. – Я думаю, вам следует передать нам аванс в размере трех... хорошо, двух с половиной тысяч долларов. В зависимости от дальнейшего хода дела это составит треть или четверть от полного гонорара. Как вы это находите, Валентина Андреевна?

– Все готова, – машинально повторила Валентина Андреевна, но в ее уши уже проникли отзвуки от названной Родионом суммы, – вы... не... я... конечно. Я даже принесла с собой аванс, который... Вот. Полторы тысячи долларов. Я женщина бедная, Родион Потапович, но для спасения своего сына готова отдать все... Вот – тысяча и еще – сто, еще сто, тут, правда, уголок оторван...

– Валентина Андреевна, мы не в детском саду, – сказал Родион, и в его голосе промелькнула нотка раздражения, – если вы намерены выделить в качестве аванса тысячу пятьсот долларов, то мы имеем право с такими условиями не согласиться.

– Но у меня... нет при себе столько наличных.

– А я и не говорю, чтобы сейчас, – сдержанно улыбнулся босс. – Аванс – понятие растяжимое. Мария составит необходимый договор, мы его подпишем и не будем больше об этом. Оставим подобные разговоры.

– Я женщина... без особых средств к существованию, практически бедная, – конвульсивно повторяла Ельцова, – но... сына ради... Я наняла адвоката, маститого... дорогого адвоката... это он посоветовал к вам, чтобы...

– Он посоветовал, позвольте? – переспросил босс. – А как, разрешите полюбопытствовать, фамилия этого достойного человека?

– К-ко-во? – прокуковала Валентина Андреевна, качнувшись вперед.

– Адвоката, – невозмутимо пояснил босс.

– Ах, адвоката, – пробормотала Ельцова. – Да, конечно... Самсонов его фамилия... Самсонов.

– Благодарю вас.

– Он сидит в машине... если хотите, я его сюда приведу. Он хороший адвокат, он сказал, что не все так...

– Нет, спасибо, на сегодня пища для размышлений у меня имеется, – сказал босс. – Вот что, Валентина Андреевна, будьте любезны, вернитесь в свою машину и подождите там Марию. Она встретится с вашим адвокатом и более подробно рассмотрит детали этого дела. В зависимости от сделанных ею выводов наше агентство предпримет те или иные шаги. Хотя нет, подождите в приемной пока. Мария, – повернулся он ко мне, – договор составлен?

– Распечатывается.

– Прекрасно. Валентина Андреевна, просмотрите, пожалуйста, и, если вы со всем согласны, поставьте вот здесь свою подпись. Да. Заранее благодарю.

Глава 2

– Замысловатая особа, – сказал Родион Потапович, когда мы остались одни, – ничего не скажешь. Наверно, имеет солидный вес в обществе.

– Да, мало какие весы потянут, – откликнулась я, – она мне супинатор сломала.

При словосочетании «супинатор сломала» лицо Шульгина осталось столь же безмятежным, как мое собственное часа три назад, когда он втолковывал мне что-то о «сбившемся прицеле, кажется, у Майкла Оуэна».

– Ладно, о клиентах либо хорошо, либо ничего, – сказал Шульгин. – Вот что, Мария, сейчас ты по полной программе сседишь с нее информацию по всему этому делу. По всей форме. Ну, за двадцать минут уложишься. А потом съездишь к этому Ельцову в СИЗО. У меня есть кое-какие мысли, которые надо, что называется, обсосать. Одним словом, мне нужно остаться одному. А ты вооружаешься мобильным планом и пролопачиваешь... впрочем, что мне тебе объяснять? Ты сама не хуже меня знаешь. Если не лучше.

– Босс, можно вопрос?

– Хоть два.

– Босс, вы знакомы с этим адвокатом Самсоновым?

Шульгин пустил поверх очков пристальный взгляд в мою сторону:

– А почему ты так решила?

– Интуитивно. К тому же вы так спонтанно прервали ее рассуждение об адвокате, словно ничего нового для вас она о нем сказать не может.

– Совершенно верно. – Родион медленно, с видимым наслаждением откинулся на спинку кресла, отводя назад затекшие сутулые плечи. – Совершенно верно. Да, я этого Самсонова знаю. Приходилось общаться.

– И что, действительно хороший адвокат?

– Ты знаешь... наверное, нет. Да, его имя известно достаточно хорошо, но не потому, что он блестящий специалист, а вследствие ряда громких скандалов, в которых фигурировало его имя. Бандитский душок, темные пятна, ну, ты понимаешь.

Получив инструкцию, я покинула кабинет Родиона. В приемной я сказала въехавшей в кресло Ельцовой:

– Валентина Андреевна, прежде чем мы выйдем к нанятому вами адвокату Самсонову, мне хотелось бы задать вам ряд вопросов касательно личности Алексея, его связей, привычек, круга общения. Одним словом, сейчас мы сфилтруем с вас полное досье на вашего сына Алексея.

– Что значит – сфилтровать? – заморгала она.

Наверное, этот термин вызвал у нее ассоциации с рэкетом и словосочетанием «филтровать базар». Я достала из ящика стола чистый блокнот и произнесла, пользуясь высоким штилем:

– Я вас слушаю, высокочтимая Валентина Андреевна. Мне хотелось бы поподробнее про Алексея и про Таннер. Привычки, особенности характера. Подозрительные, на ваш взгляд, знакомства.

И она утомительно затарахтела. Я тяжело вздохнула и принялась писать...

– А теперь можно дойти до вашей машины, – сказала я, преувеличенно энергично захлопывая наконец блокнотик и укладывая его в сумочку.

На языке крутилась коварная фраза «Вы ведь женщина бедная».

И машина, как я и ожидала, у «небогатой женщины» оказалась соответствующей – внедорожник «Тойота Ленд Крузер».

В салоне машины я обнаружила прекрасно одетого мужчину с сухим костистым лицом и нескромным взглядом. Он выглядел типичным судебным крючкотвором, вертящим людскими судьбами в зале суда. На его тонком запястье виднелись золотые часы. Вкупе с сотовым телефоном Samsung-T100 (по которому этот человек с важным видом разговаривал в данный момент) они давали понять, что дела его идут весьма успешно и прибыльно.

Валентина Андреевна кивнула на него и сказала:

– Это адвокат Самсонов.

Самсонов убрал мобильник и проговорил хорошо поставленным ровным голосом:

– Добрый день, Мария. Вы меня, быть может, не помните, но, кажется, в свое время я имел возможность общаться с вашим боссом, господином Шульгиным, не так ли?

– Да, правильно. Он даже упоминал сегодня о чем-то подобном.

– Валентина Андреевна поведет машину, а мы пока спокойно побеседуем, – продолжал он, глядя на меня в упор безмятежными серыми глазами. Взгляд их был несколько более пристальным, чем диктовали правила приличия. – Дело довольно мутное. Многие мотивы неясны. Внешне оно, правда, достаточно просто. На моей памяти есть немало подобных ситуаций. По сути, преступления, выполненные по этой схеме, обычно просты и незамысловаты.

– Быть может.

– Мария, – вполголоса проговорил Самсонов, – я знаю, вы опытный детектив, а ваш босс – превосходный аналитик и имеет хорошо проработанные связи в нужных кругах. Надеюсь, что мы с вами сработаемся. Это я посоветовал Валентине Андреевне прибегнуть к вашим услугам. У вас есть логика, а это явление редкое, как говорил Шерлок Холмс. Это немаловажно.

– Господин Самсонов, давайте покороче, – сказала я. – Ваше вступление будет уместно, скажем, в мемуарах. Или вы переняли многословие у нашей общей клиентки?

Адвокат Самсонов покосился на Валентину Андреевну и сказал сухо, обращаясь, впрочем, не к ней, а ко мне:

– Я уже анализировал подходы к расследованию. Дело в том, что в последнее время Алексей оказался в очень интересной ситуации. Ее определяют отношения Алексея с несколькими женщинами. Вы просили говорить короче? Так вот, проще говоря, в свое время Алексей завязал ряд знакомств, которые в настоящий момент очень важны. Его женщины в своем роде необычны. Во-первых, Ксения Кристалинская, его подруга и почти что жена. Лишь трагические обстоятельства помешали... да, что тут говорить? Звучное имя и любопытнейший тип женщины, могу вас заверить. Сдержанна, высокомерна, кажется, решительна. Способна на значительный поступок. Из таких женщин выходят выдающиеся личности. По крайней мере, по нашим, российским меркам.

– Да ну уж... «выдающиеся личности»! – подала голос Ельцова. – Да обычная шалава! Смазливая она, конечно, мужики к ней липнут, но не больше того. А вы распелись... куда там! Выдающиеся личности на три буквы не посылают.

– Еще как посылают, – сказала я.

– Да что о ней, о Ксеньке, болтать! И так все понятно! – рыкнула Ельцова.

– Насколько я понял, Ксения не питала особой любви к Алексею, – продолжал Самсонов, не обращая внимания на эмоциональные ремарки Валентины Андреевны. – А у него были чувства к ней. Исходя из этого, отношения Алексея и Татьяны Оттобальдовны Таннер были странными. Не пойму, какие общие темы для бесед и общие интересы у них могли быть. Впрочем, можно предположить, что...

– Вот не надо предположений! – живо отозвалась Валентина Андреевна, навалившись бюстом на руль, отчего машину едва не отнесло к бордюру. – Знаю, что вы хотите... предположить. Одно на уме!

– А что? Я ничего предосудительного не сказал. Мало ли общих тем может найтись у людей, которые знакомы много лет и один, что называется, вырос на глазах другого. Кроме того, я вполне допускаю, что Татьяна Оттобальдовна принимала Алексея исключительно для деловых бесед: как известно, она была далеко не бедная женщина, – я внутренне усмехнулась, вспомнив – «я женщина небогатая» в исполнении Валентины Андреевны, – а для осуществления его творческих замыслов Алексею необходима финансовая основа, причем весьма существенная.

– С этого момента, пожалуйста, поподробнее, – проговорила я.

– А это я скажу, – оживилась Валентина Андреевна, норовя повернуть к нам голову на жирной складчатой шее. – У Алеши всегда было громадное количество замыслов. Он – человек тонкий, ранимый. Да, он такой. Если бы вы только краем глаза его увидели, Мария, то сразу же напрочь... так сказать... исключили бы всякую мысль о том, что он мог вообще кого-то убить. Тем более Татьяну Оттобальдовну, мою подругу. Она же моя старая подруга, я вам уже говорила, – с пафосом пропела она.

– Так что же это за громадное количество идей? – спросила я, вспоминая тупые разговоры из американских сериалов: «У меня есть гениальная идея!» – «Какая?» – «Я предлагаю пообедать, принять душ и переодеться!» – «Потрясающе! Ты просто мудрец!»

Валентина Андреевна промывчала что-то невразумительное, словно мяся языком киснувшее на опаре тесто, а потом, собравшись с мыслями, выговорила:

– Например, он собирался создать музыкальную группу. И еще он хотел издать сборник своих стихов, он пишет стихи еще с детства. Один такой сборник Татьяна Оттобальдовна – по моей просьбе – издала. То есть оплатила издание. И еще... Он ездил на конкурс молодых дизайнеров в Венгрию и получил там второй приз. А еще он художник, он рисует картины. Выставлялся... один раз, да. Да и в модельном агентстве... вообще...

Речь Ельцовой в моих ушах начала сваливаться в какое-то плотное шерстяное одеяло.

Если верить словам Валентины Андреевны, то Ельцов представлял уникального универсала, некоего Леонардо да Винчи начала двадцать первого века.

Самсонов слушал с совершенно безмятежным лицом. Верно, на своем веку ему приходилось выслушивать и не такую чушь.

– Валентина Андреевна, – наконец вклинилась я в подобный лаве поток словотворчества госпожи Ельцовой, – позвольте спросить: а где учился ваш сын?

– Там же, где и я.

– А где учились вы?

– В Московском университете, филологический факультет. Ну... знаете... Серебряный век... образованность... Александр Сергеевич Пушкин, этот... Толстой еще, Блок... кронштейны разные, – бормотала Ельцова.

– Блок? «Никогда не забуду, он был или не был, этот вечер. Пожаром зари сожжено и раздвинуто бледное небо, и на фоне зари – фонари», – продекламировал Самсонов. Могу поспорить, что цитата явилась исключительно из желания перебить Ельцову.

– О да! – брякнула та. – Вы тоже читаете наизусть, как мой сын?

Самсонов сдержанно улыбнулся, а я вернула их к прозе:

– Цитаты из классики – это, конечно, прекрасно, но давайте продолжим о вашем сыне. Насколько я понимаю, господин адвокат, вы хотели рассказать еще об одном знакомстве Алексея Ельцова. Не так ли?

И я посмотрела на Самсонова, который так шустро цитировал классиков и клепал пышные синтаксические обороты. Тот согласно кивнул.

– Да, вы совершенно правы. Так вот, Алексей Ельцов у нас мужчина привлекательный, я думаю, вы, Мария, согласитесь со мной. Впрочем, это лирическое отступление. Значит, так: третья пара отношений – это у нас Алексей и племянница Татьяны Оттобальдовны, Мила

Таннер. Людмила, если полным именем. Так вот, эта Людмила – совершенно не похожа на героиню пушкинской поэмы, если уж мы не чужды литературы. Веселая дама. Я хотел с ней пообщаться, но она не оказала мне чести. Я пытался ей звонить, назначать встречу, однако она не выказала по этому поводу восторга. Впрочем, я все-таки рискнул своим не казенным здоровьем и явился к ней с вполне обоснованным джентльменским визитом, но она, не открывая двери, рассказала о моей личной жизни в нецензурных выражениях. Я сдержался и сказал, что от ее показаний, быть может, зависит жизнь и репутация не одного человека, к тому же речь идет об убийстве ее родной тетушки. Это ее нисколько не проняло, доказательством чему послужил выстрел из пистолета.

– Даже так? – воскликнула я. – Ничего себе!

– На мое счастье, пистолет был все-таки газовым. Но я умчался с ее лестничной клетки с самой позорной скоростью, какую когда-либо развивал.

– Вам не откажешь в самоиронии, господин Самсонов. Ничего себе Людмила... – откликнулась я. – Какой же Руслан ей нужен, интересно? Да, примечательная особа. Вы думаете, что ее стоит взять на карандаш, не так ли?

– Эта замечательная Мила Таннер находилась в, мягко говоря, сложных отношениях со своей тетей, ныне покойной, – бодро продолжал Самсонов, – что, в сущности, само собой разумеется, особенно если учесть, что Мила, узнав о трагической гибели Татьяны Оттобальдовны... гм... одним словом, она выдала очень некорректную фразу, а при данных обстоятельствах, быть может, и – преступную.

– Что же она сказала? – любопытно спросила Ельцова, из-за которой, по всему, адвокат Самсонов и соорудил очередной синтаксический наворот. – Я видела эту сучку Милу, так что примерно представляю, что она может сказать. Говорите смело, адвокат.

Самсонов пожал плечами и начал:

– Мила Таннер сказала, что рада смерти тетушки. Что такой сквалыге давно пора перестать обременять своей персоной белый свет. Посетовала, что старая карга не ей отписала деньги, впрочем, выразила надежду, что денежки все же достанутся именно ей. Вероятно... – Самсонов снова сделал внушительную паузу. – Она подразумевала, что Алексея посадят и деньги отойдут к ней естественным путем – как к самому близкому родственнику. Хотя юридически могут и возникнуть проблемы. Да, правильно, она надеялась, да и продолжает надеяться, на осуждение Ельцова. Так вот обстоят дела.

– То есть вы имеете в виду, что одна из этих двоих – Кристалинская и Людмила Таннер – имеет отношение к смерти Татьяны Оттобальдовны? Не так ли? – сказала я как можно спокойнее, вплетая свою речь в ровный шум двигателя.

Адвокат заинтересованно взглянул на меня и важно изрек:

– Быть может.

* * *

Через два часа я увиделась с человеком, по делу которого мне предстояло вести расследование. Правда, пришлось подождать, пока нам разрешат это сделать: шел очередной допрос подозреваемого в убийстве Таннер.

Наконец нас впустили в камеру для свиданий.

Алексей Ельцов на самом деле чрезвычайно не был похож на того, кто мог сознательно и предумышленно убить. Тем более – человека. Создавалось жалкое, замешанное на смутной приязни и даже сочувствии, но ведь все равно жалкое ощущение того, что это грязная и предумышленная ошибка, подготовленная кем-то, скрывающимся в тени, – истинным виновником смерти Таннер.

Сразу было видно, что в подобной ситуации он первый раз и совершенно этим раздавлен. Напуган. Он сидел, скорчившись, глядя себе под ноги с таким вниманием, с такой остекленелой, пугающей заторможенностью, что показалось, будто в сырой трещине грязного пола пряталась истинная разгадка, похожая на отвратительное, трусливое и не желающее являться на свет насекомое.

При моем появлении в сопровождении адвоката Самсонова Ельцов едва пошевелился, но даже не поднял белокурой головы. Самсонову пришлось окликнуть его раз и другой, после чего Алексей наконец окинул нас быстрым взглядом и отвернулся. Впрочем, выражение его глаз я успела уловить: мутное, полубессмысленное, отсутствующее.

– Алексей!

Ельцов еще раз посмотрел на Самсонова и только тут удосужился узнать его:

– А, Самсонов. – Его взгляд скользнул по мне, от аккуратно уложенной прически до туфель (их я передела!). – А... кто это с вами?

Я принялась в свою очередь рассматривать человека, ради которого мне предстояло расследовать убийство.

Обвиняемый в убийстве Татьяны Таннер был довольно хрупкого телосложения, почти астенического, светловолосый. Черты лица тонкие, довольно красивые. Привлекали внимание и темные, глубоко посаженные глаза, аристократически тонкие запястья и точеные гибкие пальцы, длинные и подвижные, как у пианиста-виртуоза.

Ельцов не выглядел на свои годы. Скорее всего он напоминал сейчас испуганного семнадцатилетнего паренька-«ботаника», незаслуженно обвиненного в хроническом непосещении семинаров и лекций.

Застывшие черты и тотальный испуг, сковавший все тело Ельцова, не могли, однако, совершенно уничтожить признаков одухотворенности в его облике. Той особой эффектности, артистизма, благодаря чему даже некрасивый человек может быть обольстительным.

Но сейчас все это лишь угадывалось в Ельцове за блеклым равнодушием ко всему на свете. Что ж, можно понять человека, которого накануне свадьбы арестовывают по обвинению в страшном преступлении. Прямо как у графа Монте-Кристо, тогда еще Эдмона Дантеса! А что, я думаю, этот Алексей хорошо сыграл бы Дантеса.

– А вы кто? – спросил он у меня.

– Мое имя Мария.

И только когда я сказала ему о том, что я из частного детективного агентства и что его, Алексея, матушка наняла меня для расследования его дела, взгляд Алексея несколько оживился.

– Вот сколько за меня-то, – тихо проговорил он. – Мамаша расстаралась. Лучше бы она раньше так из кожи лезла, когда мне позарез нужно было, когда у меня денег ни копейки и вообще жуть...

Голос его тоже звучал блекло и невыразительно. Впрочем, какого-нибудь Брюса Уиллиса или Джека Николсона – в такие условия, посмотрела бы я...

– Значит, начнем, Алексей, – сказала я. – Я хотела бы верить, что ты невиновен. Мне сказали, что ты не способен на убийство. Все это слова, конечно. Но ты вызываешь у меня симпатию. Ты мне нравишься. Вот что, Ельцов. Я хотела бы от тебя самого услышать, что произошло в тот вечер в доме Татьяны Оттобальдовны Таннер. Спокойно, только не волнуясь, без срывов.

Линия его плеч изломилась.

– Но...

– Ну давай же, не тушуйся, – подбодрил его Самсонов. – Как мне... еще раз.

Алексей кашлянул и заговорил:

– Я пришел к ней приблизительно в шесть часов вечера. Я к ней часто после работы заходил. Мы выпили чаю с медом, у меня была простуда, а потом мы перешли в бильярдную. У нее целая комната под бильярд, она вообще любила играть, но только в «американку», правда. Русские столы казались ей слишком просторными, громоздкими.

Я кивнула, давая понять, что слушаю внимательно:

– О чем вы говорили?

– О наследстве, о «бабках», о лавэ, о нале! – горячась, быстро сказал он. – Она сама всегда говорила со мной о финансах! Банкирша, да еще немка, что ж вы хотите? Она не только говорила, но и давала мне деньги, Татьяна Оттобальдовна, зачем же мне ее убивать? Боже, боже мой! Она сама давала мне то, что сейчас мне навешивают в качестве основных улик! Она помогала мне – в отличие от моей дражайшей мамы, которая только сейчас, когда на меня навешали все, что только можно, что-то начала делать. Ну что же, я понимаю. – Он вскинул на меня глаза, и я увидела, какие они выразительные и яркие. – Да. Все улики против меня. Я не знаю, как вы с адвокатом Самсоновым сможете меня оправдать. Не знаю. С судом хорошенько поработают, не сомневаюсь, вы уж тоже не сомневайтесь.

– Что вы имеете в виду? Кто поработает с судом?

– А найдутся... – Алексей пожал плечами. Я неотрывно смотрела, как на его лбу возникают и снова разглаживаются кожные складки.

– Кто поработает? – переспросила я.

– Откуда же мне знать, кто именно? – пробормотал Алексей. – Я ничего не знаю. Ничего не понимаю. Кто-то... ведь кто-то сделал это, кто-то ее убил! Вот они, верно, эти люди... вот они с судом и поработают. Все состояние Татьяны Оттобальдовны ведь завещано мне. Теперь его у меня отберут. Уж не знаю, откуда у нее возникла такая фантазия, ведь у нее есть родственники, которые могли бы получить деньги на более серьезных основаниях. А она проявила... да, фантазию. Только она, эта фантазия, очень дорого мне обойдется.

– Успокойся.

– Да... да спокоен я!.. – дернул он плечом.

– Алексей, тебе было известно, на кого оформлено ее завещание?

– В том-то все и дело, что мне было известно, – поспешно сказал он. – И не только я знал. Все знали, решительно все, кому надо знать и кому не надо. Татьяна Оттобальдовна вообще полагала себя меценаткой, она любила говорить о своих распоряжениях на случай кончины. Так что знал о ее завещании и деталях его не только я, но и Римма, эта ее горничная бешеная, и... и еще Мила, Мила Таннер. Ее племянница. Вот так, Мария.

– Продолжай.

– А что продолжать-то? Все. Дальше – ничего. Мы сыграли две партии с Татьяной Оттобальдовной, я обе проиграл, она очень хорошо владела кием. А потом – потом я ушел домой. Это было приблизительно в половине десятого. Еще начиналась эта... передача по ОРТ, как ее... «Русская рулетка», ее Валдис Пельш ведет, это я точно помню. Да. «Русская рулетка» она называется.

– Я не смотрю этой передачи, – сказала я. – Господин Самсонов, а вы?..

– В половине десятого она начинается, я уже проверял по программе, – ответил он.

Я кивнула и повернулась к Ельцову:

– А кто провожал вас?

– Я сам ушел. Я сам, она, кажется, задремала, Татьяна Оттобальдовна, – отозвался Алексей. – Она прилегла, я сказал, что ухожу. Она спросонку попрощалась, и я ушел домой. Захлопнул дверь, она автоматически блокируется. Вот и все.

– Где в этот момент была Римма Маратовна Ищеева? Где она была-то?

– А я не знаю. Она бешеная. Я вообще этой доблестной даме предпочитаю на глаза не попадаться. Она меня как-то раз огрела сковородой и объявила, что пока она на ногах и

вообще жива еще, я не доведу Татьяну Оттобальдовну до ручки. Она вообще долбанутая, я за ней часто замечал, что она, как это говорят: ку-ку. Н-да...

– Так, значит, с Риммой Маратовной у тебя, условно говоря, не сложилось? Натянутые отношения? – произнесла я.

– Натянутые? Это у меня с мамашей натянутые. А с этой Риммой... да ну ее к бесу, натянутые! Я с ней вообще стараюсь в отношения не вступать.

Ельцов растормошился, его лицо одушевилось злостью и стало более живым. Даже скованность и страх уступили этому напору чувств. Я обошла вокруг него и, глядя на его растрепанный висок, проговорила:

– А после того как ты пришел домой... да, кстати, во сколько ты пришел? Приблизительно в двадцать два часа, не так ли?

– Да, примерно. Я подумал прогуляться, поразмяться, я ведь вообще мало двигаюсь. Хотя от дома Таннер до моей квартиры не так уж и мало. Кварталов где-то десять. Где-то около того.

– Ксения, ваша будущая жена, была дома, так?

– Да, да! И она, Ксения. – Он сжал кулаки и еще раз повторил: – И она, Ксения, может подтвердить, что я пришел в десять, именно в десять! А она умерла в одиннадцать... а я что, черный маг, что ли, чтобы убивать на расстоянии?

– Ну знаете ли, дорогие мои, – уклончиво сказал Самсонов, стоявший чуть поодаль, – в суде могут не принять в качестве доказательства ее слова. Что не сделает жена ради своего мужа.

– Она не успела стать женой! – поспешно сказал Алексей. – Но это неважно. Тем более что... в общем, она сказала, что, как же... что она ждет от меня ребенка и... вот так.

– Ждет ребенка? И ты в этом уверен?

– Она так сказала.

– Ясно. И давно ты живешь с Ксенией?

– Около двух лет.

Я сделала два шага вперед, по камере скакнуло: цок-кок.

– Она тебя любит?

Ельцов растерялся. Он собрался было отвечать, но тут же оборвался и, несколько раз натужно кашлянув, сказал что-то мало относящееся к сути вопроса:

– Я, вы знаете... тут мне как-то. Да... да. Наверно, все-таки, если...

– Да что спрашивать, – неожиданно отозвался стоявший у стены Самсонов. – Не будем об этом. Вот что, Алексей... я думаю, Мария тебя простит, если я попрошу тебя быть совершенно откровенным. Ответ пожалуйста: что у тебя было с этой сдобной вдовушкой Таннер? Да ты давай не красней, дуралей, и не смотри, что Мария Андреевна Якимова, твоя новая палочка-выручалочка, – дама. Ну, что там насчет госпожи Таннер?

Ельцов выдал:

– Я не... и вообще, что вы такое говорите?

– А что я, собственно, говорю такого крамольного? – с хорошо разыгранным равнодушием в голосе выговорил адвокат Самсонов. – Что тут такого запретного? Ты мужчина, она женщина. Ну, разница в возрасте, ну, в общественном положении. И что? Никаких серьезных помех я не вижу.

Алексей открыл тесно посаженные белые зубы в кривой улыбке, а потом проговорил:

– И откуда вы надергали таких сведений?

– А так, – махнул рукой Самсонов. – Ниоткуда. Лирические предположения. В конце концов, сколько мужчин любят женщин в возрасте! Есть у меня один знакомый, Сережа Дементьев, так тот и вовсе по старушкам специализируется. Как говорится, пять старушек –

уже рупь. А что касается Таннер, то я столько уже сплетен наслушался о ней и тебе, что впечатление составил довольно полное, что там могло быть и как могло быть.

Бледное лицо Ельцова отразило такой психологический дискомфорт, что я даже испугалась, не лишился бы чувств.

– Так что скажешь? Что скажешь насчет Таннер? – продолжал давить адвокат Самсонов.

– Насчет Таннер? – выговорил Алексей с нескрываемой злобой в голосе. – С Татьяной Оттобальдовной-то спать? Я, конечно, понимаю, что сейчас на меня можно всех собак вешать, но старушками, как этот ваш Дементьев, я не интересуюсь. Понимаете? Она и так все для меня делала, и я ей очень благодарен. Тем более у меня есть женщина, и лучше ее я еще не встречал. Я о Ксюше говорю.

– Да, конечно, – за адвоката ответила я. – Но сам-то что думаешь? Кто может быть замешан в смерти Таннер? Есть у нее враги, недоброжелатели... а?

Ельцов медленно произнес:

– Да есть, конечно. У богатых всегда найдутся недоброжелатели. Не знаю... может, кто-то рассчитывал на то, что деньги... если не мне, то ближайшим родственникам... отойдут.

– Миле Таннер?

– Да... ей. Других родственников у Татьяны Оттобальдовны я что-то не припомню. Не знаю по крайней мере.

– Ясно, – сказала я. – Вопросов пока больше не имею. Гм... значит, Мила. Людмила Таннер.

– Но это вряд ли, – выговорил Алексей Ельцов. – Она, конечно, люто ненавидела свою тетю. Однажды плеснула в нее кипятком из чайника, ноги обварила. Но одно дело – вода, а совсем другое – пуля в голову. Разные вещи, чувствуете... нет? А убить... нет, вряд ли.

– А если не сама? Если наняла киллера?

– Киллера... – пробормотал он. – Киллера, значит... нет... хотя...

– До свидания, Алексей, – сказала я, видя, что клиент выдохся, как оставшееся незакрытым шампанское, и вышла из камеры свиданий.

Было время подумать. Наверное, самое важное, что я вынесла из этого разговора, была вовсе не картина происшедшего в квартире убитой Таннер с точки зрения Алексея Ельцова. Хотя и это тоже немаловажно. Самое важное – это то, что я встретила с обвиняемым, прощупала его. У меня тонкая интуиция. Я могу давать прогнозы виновности или невиновности того или иного человека, и часто мои прогнозы оправдываются. Я прикинула...

Да! Девять шансов из десяти, что Алексей не имеет отношения к смерти Таннер, если только невольно или косвенно.

Я набрала номер офиса и, когда трубку взял Родион Потапович, проговорила:

– Босс, я была у Ельцова.

– Ну и как?

– Пока никак. Только, похоже, словесный портрет мамы Ельцовой был близок к истине. В самом деле – задавленный испугом интеллигент. Луч света в темном царстве СИЗО.

– А сейчас куда?..

– К Ксении Кристалинской, – ответила я.

Глава 3

Ксения смотрела на меня в упор.

– Я не понимаю, госпожа частный детектив, о чем мы могли бы с вами беседовать. У вас довольно своеобразная манера задавать вопросы, боюсь, что мне она несколько не подходит.

Ксения была высокой молодой женщиной чрезвычайно эффектной внешности, с короткими темными волосами и тонкими чертами лица. Она смутно напомнила мне Элизабет Тейлор в молодости – в роли Клеопатры.

– Знаете, Ксения, – недоуменно проговорила я, – но я как-то, со своей стороны, тоже не понимаю. Как это – не о чем говорить? Я расследую дело об убийстве Татьяны Оттобальдовны Таннер по просьбе матери Алексея. По-моему, это достаточное основание, чтобы помочь мне и в первую очередь самому Алексею, вашему будущему мужу.

– Вот именно поэтому я и не хочу с вами говорить, – сказала она.

– Простите, это почему же?

– Вас прислала эта мерзкая дура, мать Алексея. Не знаю, на какой лад она запела сейчас, но раньше она что-то не вспоминала о своем сыне и о том, что ему может потребоваться помощь матери. А вы представляете ее интересы, что мне претит. Она никогда не приносила Алексею удачи. Если вы наблюдательны, то должны были заметить, как она похожа на огромную ворону. А вороны, сами понимаете, ничего хорошего не обещают. Только каркают...

– Да, ворона... – пробормотала я. – Ворона... нет, по весовым категориям больше на гиппопотама похожа. Ничего, Ксения. Бывает и хуже. Вы хоть вообще открыли мне дверь. Адвокат Алексея, господин Самсонов, попытался таким же манером навестить в гости к Людмиле Таннер, племяннице Татьяны Оттобальдовны, и был с позором изгнан. Так что мне, по всей видимости, еще повезло.

– Вот как? – равнодушно спросила Ксения, глубоко затягиваясь сигаретой. – Его прокатил по лестнице кто-нибудь из Милкиных ухажеров? У нее их, насколько я знаю, хоть пруд пруди.

– Быть может, быть может. Но на этот раз поклонники Людмилы не имели к происходящему никакого отношения. Она начала стрелять в него из пистолета. Правда, ее оправдывает то, что пистолет был газовый. Но Самсонову все равно мало не показалось.

– Разумеется. А вы, Мария, не замужем? Верно? И, мне думается, никогда и не были? – вдруг перевела она разговор.

– Это не имеет значения, – спокойно ответила я, машинально улыбаясь. – А вот вы, Ксения, по-видимому, не первый раз замуж собрались?

– Да, я уже была, – надменно ответила она. – По молодости сглупила, в семнадцать лет выскочила. А вот теперь в двадцать семь собралась. И опять что-то не сложилось. Не везет мне с замужеством. Как и вам. Хотя вы и ничего, мужики, наверно, смотрят в вашу сторону.

– Давайте не будем о не имеющих отношения к делу замужествах и мужиках, – проговорила я. – Поговорим о конкретном замужестве, которое должно было бы оформиться сегодня, и конкретном мужике, то бишь Алексее.

Я произнесла это с совершенно каменным лицом, но, честное слово, где-то в глубине своего существа я испытала что-то наподобие смущения. Но, что называется, – не дожидетесь! Хотя эта московская Элизабет Тейлор, конечно, очень высокомерная штучка и в ее обществе не очень-то сладко, если она вздумает острословить и демонстрировать пренебрежение.

– Ксения, я не стану вас долго задерживать...

– Да чего уж там, – перебила она, – у меня теперь времени много. Ну, спрашивайте, если уж пришли. Только я могу предупредить заранее: все, что я уже говорила следовательно и адвокату Самсонову, я слово в слово повторю и вам.

– Значит, вы настаиваете на алиби Алексея?

Она отвернулась и, нервно закурив, несколько секунд молчала, пуская кольца дыма. Потом ответила с легким, но явно уловимым оттенком досады:

– Я повторяю, что он не мог убить Таннер.

– Не мог, потому что в этот момент уже был дома и досматривал передачу «Русская рулетка», которую ведет Валдис Пельш?

– Я не смотрю телевизор. Но если эта передача шла в двадцать два часа или около того, Алексей мог ее видеть. Он-то телевизор смотрит. Да, он был дома. Еще вопросы, госпожа детектив?

– Я хотела спросить о Валентине Андреевне. Вы отзывались о ней нелицеприятно, не так ли? У вас есть причины?

Она ответила, стоя вполоборота ко мне:

– Причины есть. Она всю жизнь с Алексеем на ножах. Никогда ничего путного для него не делала, только каркала направо-налево, какой он у нее талантливый. Суежилась и мешала ему жить, даже когда нужно было готовиться к свадьбе. Не знаю, я удивлена, что и сейчас, в нынешней ситуации, она что-то там предпринимает. Что-то начала делать. Об Алексее она всегда вспоминала, только когда ей самой это было нужно и выгодно. Хотя у нее-то денег нормально, у торгашки. (Я еле сдержала ироническую усмешку.) Если бы не я и не Татьяна Оттобальдовна, ему бы солоно пришлось. У него деньги-то появились только в последнее время, да и то не много. А у него постоянно были планы, требующие денежных вливаний.

– Значит, с матушкой Алексея у вас отношения не сложились? – спросила я.

– Очень даже сложились! Я еще удивляюсь, как до сих пор не пальнула по ее жирной наглой морде! – бранилась Ксения с теми же царственными интонациями, с которыми изрекла холодные парламентские отповеди. – Эта барсучиха готова была на все, чтобы свадьба не состоялась. Она очень не хотела нашего с Алексеем брака. Он у нее всегда был вроде карманного пупсика, которого можно извлечь на свет божий в нужной ей ситуации, при большом стечении народа, а потом снова запихнуть в карман и забыть – до нового подходящего случая.

– Вот как?

– Да. Эта мадам использовала любой случай, чтобы очернить меня в глазах Алексея. То она обзывала меня проституткой, то упирала на мои еврейские корни, хотя у меня еврейской крови-то – четвертинка на половинку, дедушка с материнской стороны. Правда, у нее всякий раз не хватало фантазии, чтобы придумать совсем уж изощренное и убийственное обвинение, так что Алексей на нее только рукой махал. Впрочем, откуда бы ей фантазиями разжиться, этой даме с пэтэушным образованием, прыгнувшей, что называется, из грязи да в князи. Она же только рисуется, на своем джипе разъезжая, а по жизни идет все той же маланьей – швеей-мотористкой. А чего стоит ее легенда об учебе на филологическом...

– Исчерпывающе, – сказала я. – Ксения, и еще: а вы не ревновали?

Она медленно подняла на меня неподвижные синие глаза и усмехнулась. Я почувствовала себя несколько неловко, да нет, что уж темнить, откровенно не в своей тарелке ощутила себя. В самом деле, у этой Кристалинской гонор высокородной шляхтички.

– Ревновала? – недоуменно переспросила она. – К кому? К мамаше?

– Нет, к Таннер. Ведь он проводил у нее достаточно много времени.

– А разве в этом был смысл, ревновать? – медленно переспросила она, и я машинально ответила про себя на ее вопрос – не было. Смешно было предположить, что вот эта женщина с царственными манерами могла разменять себя на ревность к пожилой банкирше, которая

питала полуматеринскую слабость к будущему мужу Ксении, а в итоге завещала ему все свои деньги.

– Ксения, – быстро сказала я, – мне хотелось бы посмотреть фотографии, где вы с Алексеем. Где он со своей семьей, с матерью, наконец. Это могло бы мне помочь. Если не сложно, я хотела бы позаимствовать у вас одну из фотографий, с возвратом, конечно. Вы позволите?

Она слабо передернула плечами и достала из секретера несколько фотоальбомов. Я открыла один из них и тут же наткнулась на отличный черно-белый снимок: Ксения и Алексей на фоне какого-то огромного храма, на площади. Присмотревшись, я узнала собор Святого Петра в Риме.

Фотографий было много. Судя по ним, у Алексея и Ксении была на редкость разнообразная и увлекательная жизнь.

Наконец я выбрала одну из фотографий.

– Я возьму вот это, – сказала я, вынимая из альбома снимок, где был изображен один Алексей, стоявший вполоборота в той естественной позе, какая бывает у людей, которые не знают, что их фотографируют. На обратной стороне снимка было написано бегло, от руки несколько стихотворных строк. Я опустила глаза и начала читать:

«А в оплывшем окне – словно та же весна, звонкий голос и явь твоих рук на стволе. А в израненном парке рвалась тишина, припадая от боли к холодной земле».

– Это Алексей написал, – сказала Ксения. – Позапрошлой весной, когда мы с ним только познакомились, а потом сошлись. Он тогда был нервный, весь угловатый. Вы хотите взять это фото? Берите.

– Я верну, – повторила я, укладывая фотографию в сумочку, – с вашего разрешения, где-то на неделю.

Она улыбнулась:

– Ну что же, берите. Леша этот снимок ужасно не нравится, он даже выкинуть хотел, но я оставила. Едва ли не самый лучший в коллекции.

Воцарилось молчание. Я тщетно хотела прорвать его, но в горле словно ком застрял, никак не удавалось избавиться от него. Наконец мне удалось сделать это:

– Но если она вам так дорога, то...

– Да нет, берите. Я сказала: «едва ли не», а не самый лучший. – Она взглянула на меня из-под полуопущенных век, что делало ее точеное бледное лицо еще надменнее, и добавила, видимо, чуть поколебавшись:

– А что, вы в самом деле хороший детектив?

– По крайней мере не самый плохой в Москве.

– А я почему-то думала, что женщина, расследующая преступление, – это чистой воды выдумка. Книжность, киношность. Мисс Марпл и еще эта, как ее... Каменская, что ли. И вообще – я терпеть не могу детективов, – добавила она.

– Я тоже.

– Хорошо, Мария, хоть в чем-то мы с вами совпали. У вас больше не имеется ко мне вопросов, насколько я поняла? Не так ли?

– Пока – нет.

– Ну что же. Тогда мне осталось пожелать вам удачи.

Она сказала это так спокойно и буднично, даже равнодушно, словно желала удачи не в расследовании, от которого, быть может, зависела судьба ее близкого человека – да и ее самой судьба! – а отправляла, ну, скажем, за покупкой лотерейного билета.

– Спасибо. Но, вероятно... – И тут я не удержалась: – Вероятно, вы были правы, Ксения, когда сказали, что нам в принципе не о чем беседовать.

Она пожала плечами.

– До свидания, госпожа детектив, – чуть насмешливо проговорила она. – Извините, что не провожаю вас до выхода, я себя чувствую, скажем так, не совсем... Притворите за собой дверь поплотнее, хорошо?

– Да, – ответила я и со смутным чувством тревоги вышла в прихожую.

У меня осталось сложное впечатление от Ксении Кристалинской. Она была из тех людей, которые чрезвычайно тяжело, болезненно переживают малейшее вторжение в их частную жизнь. Было видно, с каким усилием и с какой подчеркнутой надменностью общалась она со мной, давая понять, что допускает это общение только по необходимости, даже из некой безысходности. И что будь она хозяйкой положения, то ничего подобного не разрешила бы.

Я сменила хозяйские тапки на свои туфли и выпрямилась. И тут в глаза мне бросилось то, чего я не заметила при первом знакомстве с квартирой.

Это был портрет Ксении, написанный в сочной, подчеркнуто реалистичной манере. Я не самый большой знаток живописи, но оценить достоинство работы могла вполне.

Художник мастерски владел кистью. Черное бархатное платье выглядело почти материально на фоне заката багрового солнца, создавалось впечатление, что по холсту разлили свежую кровь, которая уже начала запекаться. Полотно смутно напомнило мне еще одно подобное творение: женщина на фоне красочного, знакового пейзажа. Мона Лиза, Джоконда. Нет, художнику было далеко до мастерства великого Леонардо, но и модели у них были разные.

Ксению, надо думать, рисовал не кто иной, как Алексей Ельцов. Да... в углу стояли две буквы в вензеле: А. Е.

– Портрет рассматриваете? – вдруг донесся до меня слабый, но удивительно отчетливый голос Кристалинской. – Я хочу его снять. Уж очень он злобещий. Приносит несчастье...

Я невольно вздрогнула и уронила свою сумочку.

– Королева в изгнании, – со злой иронией проговорила я, – нарочно не придумаешь. До свидания! – бросила я в мертво молчащее пространство квартиры и, как и следовало ожидать, ответа не получила.

Я захлопнула за собой дверь. Тяжело ухнули, отзываясь, стены подъезда.

* * *

В двадцати метрах от нашего офиса я наткнулась на изматывающую своей бытовухой сцену. В ней принимали участие живущая в соседнем доме местная бабушка Ариадна Никифоровна и бродячий алкоголик дед Кирилыч без определенного места прописки, как говорится в милицеских протоколах. Не имея жилья, он тем не менее частенько захаживал в наш двор на Сретенке и безобразничал, что становилось причиной для единогласного осуждения его соседями и правоохранительными органами. Последними – преимущественно на пятнадцать суток, чему тот и был несказанно рад: хоть какая-то крыша над головой.

Дед Кирилыч был катастрофически нетрезв, кажется, он сам не мог осознать степень своей нетрезвости, поскольку она зашкаливала за все мыслимые рамки. Каждую секунду он мог повалиться на землю, из его рта, давно позабывшего о такой роскоши, как зубы, фонтанчиком брызгала слюна вперемешку с феерическими ругательствами.

Ариадна Никифоровна же из соседнего дома, известная своей принципиальностью и свирепостью особа, была разозлена не менее круто, чем дед – пьян.

– А-аннемевши в дос-ску... как ж-жену чужую, абминал берес-ску!.. – провыл дед Кирилыч, заглушая очередные назидания старухи.

Ариадна Никифоровна скорчила свирепую гримасу и замахала своей авоськой перед багровой рожей Кирилыча и имеющей место быть поблизости седенькой бабульки – божьего

одуванчика из дома напротив, в буром вытертом пальтеце и с аналогичной цветовой гаммы сморщенным личиком. Старушка с ангельским выражением на физиономии выслушивала диалог и согласно кивала головой, по всей видимости, не понимая и половины сказанного.

– Чтобы ты, старый алкаш, больше тут и рыла своего пропитого не совал! – разухабисто высказывалась Ариадна Никифоровна. – Я из-за тебя, старого замудонца, сумку уронила, которую с базара несла, яиц половину поколола! Ты, что ль, мне их купишь?

И она показала сумку, из которой капало на асфальт.

– Каки таки там... в-в-в... у тебя еще яйцы?.. Какие яйцы-ы?.. – пробормотал бравый старикан, придерживаясь за деревце, которое пригибалось под его неустойчивым тельцем и вследствие рулад из есенинского творчества, которые он недавно выводил. – Ты че, по паспорту мужик, ась? Какие у тебя яйца? «Ка-а-ак ж-жену ч-чужжжую!..»

Ариадна Никифоровна шагнула ко мне, всплеснула руками и проговорила:

– Уж хоть бы вы, Машенька, как-то повлияли, а? А то ведь шляется и шляется. Недавно вот нагадил под окнами, что собака!

– Сам-ма сука... дуррра! – немедленно отозвался самолюбивый алкаш.

– Вот видите! Мало, что тут всякие эти... скинхеды ошиваются, всякие бандюганы, так еще и этот туда же. Да, Машенька... тут недавно под окнами один у вас ходил, даже на дерево пытался влезть, на второй этаж, где у вас этих... жалюзей нету. Прыщавый такой, бритый... на бульдога похож! Так тот хоть ушел, а этот старый пень ни в какую. Сколько раз сюда милиция ездила, так нет же... все равно таскается, скотина! А ну – пшел!

И она покосилась на болтающегося вокруг дерева деда Кирилыча. Тот могуче икнул и выговорил:

– А мм-мож... я тово... чувства имею!

– Чево? – накинулась на него соседка, позабыв о моем присутствии. – Какие такие чувства, что ты несешь, старый пень? К кому?

– А вот к тебе, жаба! – рывкнул дед Кирилыч и, захохотав, сел возле дерева. Смеялся он искренне, до слез, при этом икал и подвывал.

– Вот как позорит, Машенька! – истово всплеснула руками старуха. – Вот как позорит, старый!..

Я улыбнулась и перевела разговор на другую, более интересующую меня, тему:

– Простите, Ариадна Никифоровна... кого вы видели в нашем дворе? Под окнами? У нас? Какой такой – с прыщавой харей? Давно?

– Да вот, часа три... нет, часика четыре, да... четыре назад, – замысловато пояснила соседка. – Вы-от уехали на энтот на джипе. Вишневый «Тойота Ленд Крузер». – И старушка, наклонившись к моему уху, без запинки назвала номера ельцовского средства передвижения. – А этот хлыщ... прыщ, то ись с прыщавой рожей, ушел после. Наверно, не хотел, чтобы я его... того. Так шо вы передайте, значить, Родиону Потапычу-от, что я четко сработала.

Ариадна Никифоровна была одной из тех ушлых бабулек, которые были привлечены Родионом под знамена нашего агентства. На внештатной основе, разумеется. Бабульки зарабатывали себе прибавки к пенсии, ловко подвизаясь осведомительницами, шпионками, наводя «хвосты» и «срисовывая» подозрительных лиц. В их числе Ариадна Никифоровна была одной из лучших. Она совершенно оправдывала свое имя, которое, как известно, носила критская царица, помогшая Тесею выйти из лабиринта. Наша доморощенная Ариадна дала бы сто очков и тетрадрахм вперед той, критской. Энергии в ней таилось на пять Минотавров.

– Так передайте, Машенька, – прокуковала бабулька еще раз.

Я кивнула и направилась к офису под громовое напутствие Ариадны Никифоровны. Слава богу, обращено оно было не ко мне, а к Кирилычу, ибо гласило:

– И еще раз увижу, старый козел, что ты нагадил у нас в лифте, я тебя в мусорку затолкаю вместе со всеми твоими собутыльниками! Ух, шмендрик, навязался на нашу голову, иди ж ты!..

– Да... ым-м!.. отзынь ты, ить... чев-во липнешь, карро-вва... вы-ва-вва...

* * *

Родион сидел за своим столом, зарывшись в ворох каких-то бумаг. При этом он успевал отвлекаться на монитор ноутбука и беседовать по телефону, виртуозно зажав трубку между небритой щекой и плечом.

Как всегда, в авральных ситуациях босс забывал, что у телефонного аппарата существует такая простая функция, как «спикерфон», позволяющая разговаривать, не снимая трубки.

При моем появлении Родион Потапович закончил разговор и живо повернул голову. Его глаза блеснули.

– Ну что? Как они тебе?

– Вы имеете в виду несостоявшуюся семейную чету Ельцовых, Алексея и Ксению? Ну что я могу сказать – сильное впечатление. Алексей упорно напоминает напуганного интеллигента. Затравлен, зажат. Впрочем, его можно понять. Однако же некоторые свои соображения я вам уже высказывала. А вот что касается этой Ксении, так тут, уверяю вас, много любопытного есть. Даже на первый взгляд. Это чрезвычайно интересная женщина. Сильная, высокомерная, прекрасно сохраняет контроль над собой. Чего не скажешь о ее без пяти минут муже. Ксения эта на ножах с матерью Алексея и утверждает, что та сделала бы все, чтобы не допустить брака Ксении и ее сына. Что характерно, Алексей тоже говорил, что не рвется под венец и только под влиянием Ксении решился.

– Действительно впечатляющая дама? – с интересом спросил босс.

– О да. Красивая, неприступная. Ведь, если не ошибаюсь, мужчинам нравятся именно недотроги?

– Да, не ошибаешься. Недотроги, ну... вроде тебя, Мария. Ты ведь тоже у нас как айсберг в океане.

– Спокойно, босс, – сказала я, – главное, чтобы этих ваших слов не слышала Валентина. А то ведь может и приревновать, тем более что с этим у нее – всегда пожалуйста.

– Ладно. Поговорим о работе. Мне удалось раздобыть кое-какую информацию, что называется, из первых рук. Для начала посмотри вот эту запись. Только что сделал. По телевизору показывали.

И он, дотянувшись до пульта, включил видеодвойку, чернеющую в дальнем углу кабинета.

На экране возникла бесцветно крашенная ведущая, похожая на состарившуюся Бритни Спирз, и бодро зашевелила нарисованными губами:

– «...презентация нового ночного клуба «Белый гриф». Это заведение обещает стать одним из самых популярных ночных клубов Москвы. Наш корреспондент взял короткое интервью у его владельца, кандидата в депутаты Мосгордумы Владимира Туманова».

На экране появился высокий, крепкого телосложения, видный, молодой мужчина, возле которого невзрачный, рыженький и тощий корреспондент в ветровке казался тупиковой ветвью эволюции. Репортер обнюхал микрофон и, наконец доперев, что он в эфире, сунул его под нос Туманову и заговорил быстро-быстро, перемежая поток своей неудержимой речи тормозящими «э-э», заимствованными, похоже, у знаменитого тележурналиста Евгения Киселева:

– Владимир Сергеевич, действительно ли, что ваш ночной клуб предложит избалованной московской публике... э-э... нечто новое, с изюминкой и подковыркой, так сказать, а... э-э... уровень сервиса и уровень цен в сравнении с уже известными ночными клубами вы предполагаете установить более низкий... э-э... н-не так ли?

Туманов чуть пожал плечами, из-за одного из них проворно вынырнула голова аккуратно причесанного охранника и тут же выпала из кадра, а хозяин произнес:

– Я так полагаю, что в самом деле смогу обновить меню и перечень возможностей для...

– Гля, фля, ля-ля и прочее с окончанием на «-ля», актуальное для бандитской среды, – насмешливо выговорил Родион, отключая запись. – Ты, Мария, я так полагаю, ни разу не видела преуспевающего деятеля от политики и шоу-бизнеса, которого я только что тебе показал? Как говорит этот ошипанный репортер: э-э-э... н-не так ли?

– Нет, не видела, – ответила я. – В столице этих деятелей, что собак нерезаных.

– В связи с новой лужковской программой касательно уличных животных, наверное, собак уже меньше стало, – иронически отозвался Родион. – Ты, верно, хотела сказать: как грибов после дождя.

– Ну да. Мухоморов. И кто же этот красавец, открывший ночной клуб?

– Владимир Сергеевич Туманов, удачливый предприниматель и чудесный человек, – сказал Родион. – Глава охранной фирмы «Остгот», владелец нескольких ночных клубов помимо упомянутого «Белого грифа». Хорош собой... В прошлом эта душа общества, однако, уже успела изрядно наследить. Мне дали возможность посмотреть его досье. Сама понимаешь...

Я понимала: по всей видимости, мой босс в очередной раз воспользовался своими связями с ФСБ, откуда, собственно, вышел и он сам, оставив в структуре много узелков, много друзей и просто информаторов, взаимодействия с которыми он никогда не терял. И на сей раз он, очевидно, получил доступ в одну из баз данных. Я всегда удивлялась той легкости, с которой это проделывалось, хотя в средствах массовой информации те же источники преподносились как непостижимая тайна за семью печатями.

Шульгин продолжал:

– Так вот, в прошлом Владимир Сергеевич, как и приличествует уважающему себя предпринимателю и без пяти минут законодателю, имел проблемы с законностью. Полагаю, те же журналисты, которые сейчас верноподданнически берут у него интервью, раньше живописали его подвиги в какой-нибудь программе типа «Криминальные сводки» или «Их ищут все». Впрочем, криминальная часть биографии Владимира Сергеевича нас интересует не столь существенно. Гораздо важнее его детство. Дело в том, что господин Туманов, достигший таких высот в обществе, – детдомовец. Он воспитывался в школе-интернате номер восемь города Усть-Каменогорска. Теперь это Казахстан. Вот такие дела, Мария! – воскликнул босс самым торжественным голосом и откинулся на спинку кресла.

Я недоуменно подняла брови и осторожно начала:

– Быть может, Родион Потапович, вы сочтете меня недогадливой, не скажу – тупой... но я не понимаю, какое отношение все это имеет к нашему делу.

Шульгин посмотрел на меня с откровенной досадой, а потом рассмеялся и хлопнул ладонью по столу:

– Ах, да. Это я болван. Совсем упустил из виду, что ты, Мария, еще не знаешь о существовании одного связующего звена.

– Какого же?

– Дело в том, что в той школе-интернате воспитывался и еще один человек, имеющий самое прямое отношение к делу. Правда, Туманов старше почти на четыре года, но это не сыграло роли в дальнейшем развитии их отношений.

– Кто же?

– Ксения. Жена Ельцова... то есть – почти жена Ельцова. Но это еще не все. – Босс поднял кверху палец и проговорил, чуть понизив голос: – Все дело в том, что Туманов был первым мужем Ксении Кристалинской.

Глава 4

Я даже вздрогнула, услышав это. Тут же перед глазами выплыло надменное лицо Ксении... нет, не то, настоящее, бледное, точеное, с полуприкрытыми веками, а – портрет в контрастных красных и багровых полутонах. Чуть кривоватая саркастическая усмешка, опасный изгиб губ, темные бархатные глаза.

– Да, – выговорила я, – она упоминала, что уже была замужем. Вышла по глупости в семнадцать лет.

– Она была замужем за этим Тумановым, который сам тогда едва достиг двадцати двух лет. Тогда он еще не носил погоняла Гриф, в честь которого, собственно, и назвал новый свой клуб. Богатый, опасный человек этот Туманов, ничего не скажешь. Богатый и влиятельный.

– А это охранный агент с таким историчным названием «Остгот»... оно что из себя представляет? – осторожно осведомилась я.

– Есть информация, но в целом все чисто. Ни в чем предосудительном работники этой структуры не замечены. Хотя я посмотрел перечень штатных сотрудников, что ж, среди них есть несколько примечательных фигур. Но об этом позже. Первая задача у тебя, Мария, будет другая. Ты должна встретиться с одним человеком. Нет, не с Тумановым. Туманова попытаюсь прощупать я сам. Тебе поручается некто Георгий Куценко. Есть такая фигура в деле.

– Кто такой Куценко?

– Это друг Алексея Ельцова.

– С какой целью я должна встретиться с этим Куценко?

– Обо всем по порядку. Ты должна прийти к нему на работу и побеседовать с ним о Ельцове. В свое время этот Куценко пытался помогать Ельцову пробиваться в жизни... ну и...

– Вы, босс, чего-то не договариваете, – неодобрительно сказала я. – В чем дело?

Родион Потапович чуть поморщился и выговорил:

– Ты знаешь, Мария, все хорошо к месту. Сейчас я не хочу снабжать тебя избыточной информацией, тем более что она малосущественна. Я просто хочу, чтобы ты посетила этого Куценко и по возможности установила в его офисе, в квартире или машине прослушивающие «жучки».

– На предмет чего? «Жучки» – техника дорогая, и тратить их на разнокалиберных анонимных Куценок нерационально. Все-таки, Родион Потапович, мне кажется, что вы должны поделиться со мной своими выкладками.

Босс сложил руки лодочкой, задумчиво посмотрел куда-то в стену и наконец сказал:

– Хорошо, Мария. Я сделаю это. Но – завтра. После того как ты побываешь у этого Куценко. Да, кстати, ты давно не была в бане?

Вопрос этот, мягко говоря, поставил меня в тупик и даже слегка возмутил. Впрочем, Родион Потапович тоже, кажется, несколько смутился. Он пробормотал себе под нос что-то невразумительное, а потом поспешил внести коррективы в линию беседы:

– Ты не так поняла... все дело в том, что Куценко... знаешь ли... работает в бане. Он – банщик. В смысле – директор. Баня эта женская, два отделения, на общих основаниях и коммерческое. В общем, такое вот дело. Я так полагаю, что лучше выдернуть его... на работе, а не дома. И без предварительного телефонного звонка.

– Гм... это называется: взять тепленьким. В бане-то, верно, жара, – произнесла я, с трудом удерживаясь от глупого смеха. – И вообще, вы, босс, умеете задавать наводящие вопросы. «Давно ли ты была в бане?» Ничего не скажешь. Ладно. Оставляйте данные по этому вашему Куценко. Если вы так упорно не хотите говорить – это ваше решение. Давайте адрес квартиры и работы банного воротилы.

* * *

Наутро я отправилась на розыски Георгия Куценко, касательно которого загадочно темнил мой босс. По месту жительства я данного гражданина не обнаружила, и потому пришлось ехать к нему на работу. Если бы я только могла предполагать, чем все это закончится...

Женская баня номер тридцать оказалась неподалеку от нашего офиса, и я даже подумала, что не следовало брать автомобиль. Пешком я нашла бы нужное заведение куда быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.